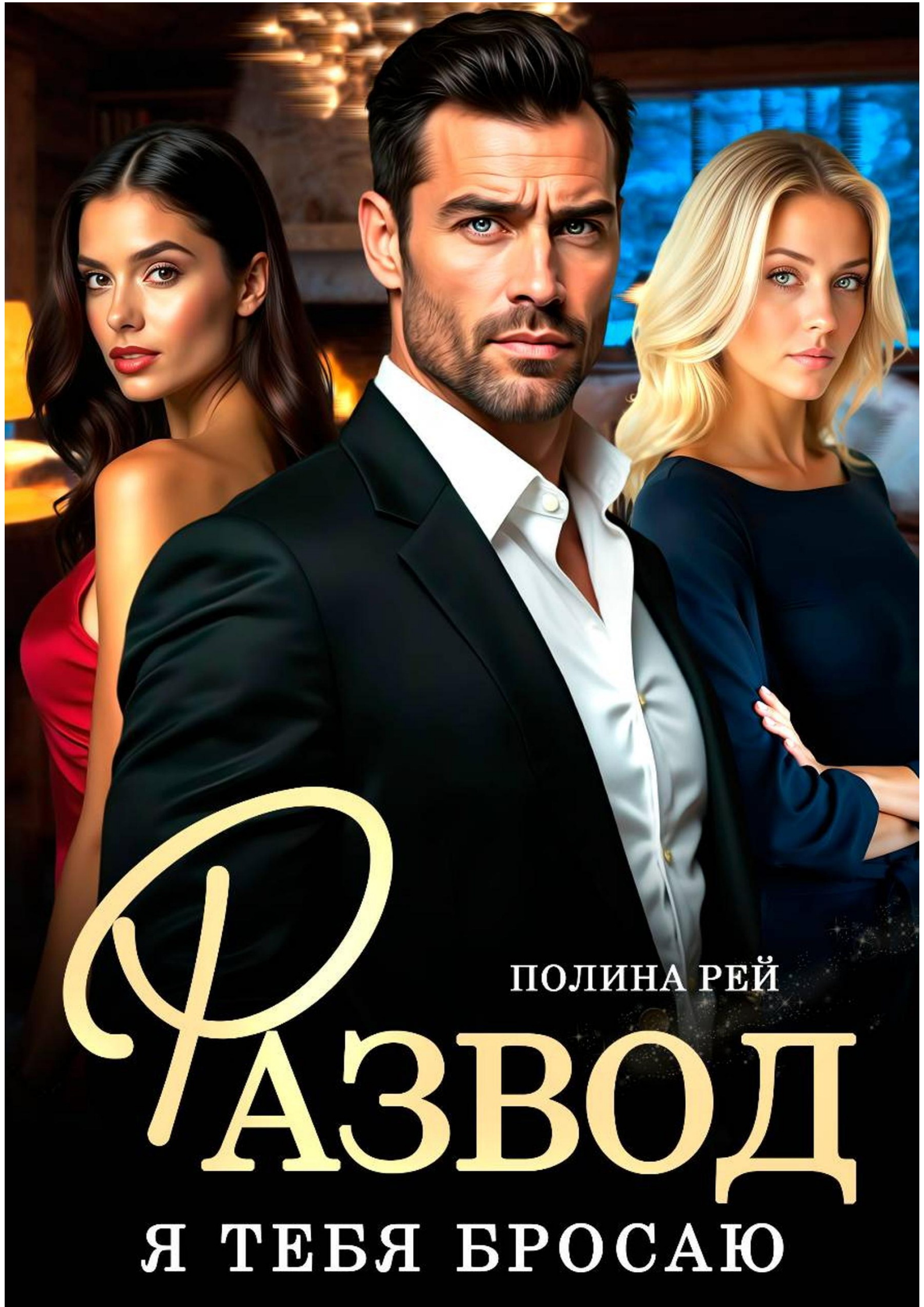

ПОЛИНА РЕЙ

РАЗВОД

Я ТЕБЯ БРОСАЮ

Полина Рей

Развод. Я тебя бросаю

«Автор»

2026

Рей П.

Развод. Я тебя бросаю / П. Рей — «Автор», 2026

- Жанна, - сказал муж, глядя на меня сверху вниз. Я сидела у трюмо в халате, расчесывала волосы. Рука замерла. - Я ухожу. Мы расстаемся, - добавил Глеб. Я медленно положила расческу и повернулась к нему. - Что? - Я бросаю тебя, - сказал он ровно, будто обсуждал условия новой сделки. - Но пока без развода. Так нужно для дела. Тридцать лет брака, двое детей, и фраза мужа во время годовщины: «Я тебя бросаю». Он просит прикрыть его - пока не разводиться, чтобы не пострадала деловая репутация. А я с ним разведусь и мысленно скажу: «Спасибо, что бросил, милый!»

Полина Рей

Развод. Я тебя бросаю

- Жанна, - сказал муж, глядя на меня сверху вниз.

Я сидела у трюмо в халате, расчесывала волосы. Рука замерла.

- Я ухожу. Мы расстаемся, - добавил Глеб.

Я медленно положила расческу и повернулась к нему.

- Что?

- Я бросаю тебя, - сказал он ровно, будто обсуждал условия новой сделки. - Но пока без развода. Так нужно для дела.

Тридцать лет брака, двое детей, и фраза мужа во время годовщины: «Я тебя бросаю».

Он просит прикрыть его - пока не разводиться, чтобы не пострадала деловая репутация.

А я с ним разведусь и мысленно скажу: «Спасибо, что бросил, милый!»

Я смотрела на свое отражение в трюмо и думала о том, что тридцать лет - это целая жизнь. Зеркало показывало мне женщину с аккуратной укладкой, которую я делала в салоне два часа назад, с бежевым платьем-футляром и ниткой жемчуга на шее. Его мне подарила мама к нашей с Глебом первой годовщине. Тогда он еще дарил подарки. Тогда он еще помнил.

В квартире было слишком тихо. Тридцать лет назад здесь гремела музыка, плакали дети, пахло пирогами и вечным праздником, который мы пытались устроить из своего быта. Теперь сын и дочь покинули семейное гнездо - Кирилл уехал в Лондон, Аня осталась в Питере, но снимала жильё. А я жила здесь, в этом большом, вычищенном до стерильности пространстве, где каждый звук шагов отдавался эхом.

Я знала, что вечером Глеб едет на ужин. Праздновать какую-то мегасделку, о которой он говорил по телефону последнюю неделю, разбрасываясь терминами вроде «консолидация активов» и «стратегическое партнерство». Меня это никогда не касалось. Я была просто фоном, удобным дополнением к его безупречному костюму. И сегодня он решил, что фон должен присутствовать лично.

«Жанна, ты поедешь со мной, - сказал он утром, даже не обернувшись от кофеварки. Это был не вопрос, а самый настоящий приказ. - Партнеры консервативные, женатых людей воспринимают серьезнее».

Я тогда промолчала. Просто кивнула, хотя внутри что-то неприятно сжалось. Ждала хотя бы намек на то, что он помнит, какой сегодня день. Что тридцать лет назад я в смешном белом платье с чужого плеча, сказала ему «да». Что я рожала ему детей, ждала из командировок, лечила его простуду и выслушивала упреки в том, что плохо погладила рубашку.

Ничего.

В сумочке, рядом с помадой и ключами от машины, лежала бархатная коробочка. Там были запонки. Cartier. Дорогие, элегантные, с темно-синей эмалью. Я купила их месяц назад, надеясь, что, когда вручу их ему сегодня вечером, он хлопнет себя по лбу и скажет: «Господи, Жанна, я помню! Я просто проверял тебя!»

Глупо, да? В сорок восемь лет верить в такие сказки так же наивно, как в двадцать.

Я подошла к окну. Внизу, у подъезда, уже урчал мотором его черный «Мерседес». Глеб всегда был пунктуален до безобразия.

Он вошел в спальню без стука - как всегда. Я услышала его шаги и на секунду замерла, молясь всем богам, чтобы он просто сказал: «Ты прекрасно выглядишь». Чтобы просто улыбнулся.

- Ты в этом собралась? - голос был резким, с металлическими нотками раздражения.

Я обернулась. Он стоял в дверях, одетый с иголочки, пахнувший дорогим парфюмом, в безупречно сидящем костюме. И смотрел на меня так, будто я надела на голову мусорное ведро.

- А что не так? - спросила тихо, чувствуя, как предательски краснеют щеки.

- Жанна, ну это же скучно» Беж, жемчуг... Мы идем в современный ресторан, к молодым ребятам. Ты выглядишь как... как классная руководительница на родительском собрании. Не могла что-то повеселее найти? Хотя бы декольте, что ли...

Он говорил и уже рылся в моем шкафу, не спрашивая разрешения. Я смотрела на его широкую спину и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Не с грохотом, а так, тихонько, с противным хрустом, как сухая ветка.

Тридцать лет. Он забыл про тридцать лет. Но заметил, что у меня неправильное декольте.

- Глеб, - начала я, делая шаг к нему.

Рука невольно потянулась к сумочке, к той самой коробочке. Я скажу ему всё сейчас.

Но он уже захлопнул дверцу шкафа, держа в руках темно-синее платье, которое я купила прошлым летом и ни разу не надевала.

- Вот это! И поживее, мы опаздываем. Водитель ждет.

Он вышел из комнаты, бросив платье на кровать. Даже не взглянув на меня и не спросив моего мнения.

Я осталась стоять посреди спальни, сжимая в руке бархатную коробочку. Отражение в трюмо с бежевым платьем и жемчугом вдруг показалось мне таким жалким, таким ненужным и старым.

Медленно расстегнула молнию. Ладно. Я надена синее и поеду на этот дурацкий ужин. Я буду улыбаться его партнерам. А потом...

Я не знала, что будет потом. Понимала только одно: коробочка с запонками так и останется лежать в сумочке. Сегодня я ее не достану. Потому что дарить их тому, кто даже не помнит, какой сегодня день, - это слишком унижительно даже для меня.

Я расстегивала жемчуг дрожащими пальцами и думала о том, что тишина в доме после отъезда детей - это еще не самое страшное. Самое страшное - это тишина между двумя людьми, которые спят в одной постели тридцать лет.

Глеб ждал меня внизу. Я слышала, как он заставил водителя нетерпеливо сигналить.

Вдох. Выдох.

Я надела синее платье, поправила волосы и взяла сумочку. Внутри, рядом с ключами и помадой, лежала моя маленькая, невысказанная боль. Мои запонки. Мое напоминание о том, что я все еще надеюсь.

А он, кажется, разучился надеяться. Или разлюбил. Или просто забыл. Что, в сущности, было одним и тем же.

Я спустилась по широкой лестнице, стараясь ступать бесшумно, будто боялась потревожить тишину этого дома. В холле горел только ночник - длинная стеклянная трубка, которую Глеб привёз откуда-то из Европы. Я задержалась на секунду у зеркала в тяжёлой дубовой раме, поправила выбившуюся прядь. Отражение смотрело на меня устало, но я заставила себя улыбнуться.

В приоткрытую дверь террасы тянуло вечерней сыростью. Машина стояла у крыльца, тёмная и блестящая. В приоткрытом окне салона виднелся локоть Глеба - он барабанил пальцами по подлокотнику, не оборачиваясь.

Я вышла на крыльцо. Водитель уже открывал мне дверь. Я скользнула на сиденье рядом с мужем.

Лабетский даже не взглянул на меня, только бросил водителю:

- Поехали.

За окном поплыли огни, и юбилейный, тридцатый год нашей совместной жизни начался именно так. В молчании, которое было громче любого скандала.

Ресторан назывался «Maison», и он был именно таким, какие любил Глеб: модным, полутемным, с открытой кухней, где что-то шипело и вспыхивало, и с потолка свисали огромные лампы в виде стеклянных шаров. Нас встретила хостес, которая знала Глеба по имени, и проводила к длинному столу в центре зала.

Не успела я присесть, как Глеб уже исчез. Растворился в кругу мужчин в дорогих костюмах, которые хлопали его по плечу и говорили что-то про «сделку века». Кто-то протягивал ему бокал, кто-то уже закуривал сигару, несмотря на запрет. Мне даже не предложили ничего заказать.

Я осталась одна. С бокалом шампанского, который всучил проходящий официант, и с ощущением, что меня выставили на витрину как ненужный, но обязательный аксессуар.

- Вы жена Глеба, да?

Я обернулась. Рядом со мной, буквально вынырнув из ниоткуда, сидела женщина. Лет сорока пяти, с идеальным каре и тяжелыми веками, подведенными так густо, что глаза казались бездонными колодцами. На ней было платье с леопардовым принтом и слишком много золота.

- Жанна, - представилась я, выдавливая вежливую улыбку.

- Марина, - она протянула руку с длинными, нарощенными ногтями. - Жена Славы. Вон того, в «Бриони» - она кивнула в сторону мужской компании. - Он с вашим Глебом теперь в доле.

Я кивнула, не зная, что сказать. Марина смотрела на меня оценивающе, как смотрят на новую сумку в магазине - прикидывают, оригинал или подделка.

- Хорошее платье, - сказала она наконец. - Синее вам идет. А то пришли бы в бежевом, слились бы со стеной. Тут любят яркие акценты.

Я внутренне напряглась. Откуда она знает про бежевое? Или просто совпадение?

- Я люблю классику, - ответила ей спокойно.

- Ой, классика, - Марина махнула рукой, звякнув браслетами. - Классика - это для тех, кто уже наигрался. Или кто боится проиграть. А вы, Жанна, давно замужем? На вид не скажешь, что давно. Вы хорошо сохранились.

- Тридцать лет, - сказала я ровно, глядя ей в глаза.

Марина присвистнула, но как-то театрально, будто играла роль в дешевом сериале.

- Ничего себе! Тридцать лет - это срок. Это ж сколько всего пережить надо... И командировки, и ночные смены, и эти дурацкие корпоративы, - она засмеялась, но смех был колючим. - Хотя сейчас, говорят, Глеб ваш реже в командировки ездит. Дела, знаете ли, можно и по телефону решать. А вот раньше... говорят, мотался по всему миру.

Я молчала, отпивая шампанское. Оно казалось кислым, как и то выражение, которое так и просилось на лицо.

- А вы, Марина, давно замужем? - спросила я, чтобы перевести тему.

- Ой, да мы с моим уже пятнадцать лет, но это не считается, - она снова засмеялась. - У нас брак по расчету. Он считает мои деньги, я считаю его измены. Шучу! - она ткнула меня локтем. - Хотя... знаете, Жанна, есть такая примета: если мужчина после пятидесяти начинает следить за собой, значит, у него появилась женщина, ради которой он это делает. Ваш-то как, следит? Вон какой подтянутый.

Я посмотрела в сторону Глеба. Он стоял в кругу мужчин, что-то оживленно рассказывал, жестикулировал. И правда - подтянутый. С сединой, но статный. Дорогие часы блестели на запястье. Лабетский выглядел моложе своих лет. Моложе, чем я себя чувствовала сейчас.

И тут я заметила её.

Она стояла у бара, чуть поодаль от основной компании. Брюнетка. Молодая, лет тридцати, не больше. Тонкая, как тростинка, в белом шелковом комбинезоне, который струился по фигуре. Волосы длинные, распущенные, темные, с холодным отливом. Она смотрела на Глеба.

И делала это вовсе не так, как смотрят на чужого успешного мужчину. Смотрела ревностно. Собственнически. Пристально. Как кошка, которая сторожит миску, к которой никого не подпустит.

У меня похолодело внутри.

- Ой, а вот и Агата, - оживилась Марина, проследив за моим взглядом. - Она помощница вашего Глеба. Талантливая девочка, говорят. Очень талантливая. Во всем.

Марина подмигнула мне, и в этом подмигивании было столько яда, что я на секунду перестала дышать.

- Она работает с моим мужем? - спросила я как можно ровнее.

- Работает, - Марина растянула губы в улыбке. - Причём очень усердно. Иногда допоздна. Слышала, они в последнее время часто задерживаются в офисе. Проект у них там общий, секретный... - она сделала паузу. - Или не очень секретный, кто ж их разберет.

Брюнетка, будто почувствовав мой взгляд, на секунду обернулась. Наши глаза встретились. Она не улыбнулась, не кивнула. Просто скользнула по мне взглядом, как по пустому месту, и снова уставилась на Глеба.

- Выпьем? - Марина подняла свой бокал. - За мужчин. Чтоб им пусто было, но чтоб они оставались при деньгах.

Я поднесла бокал к губам, но не смогла сделать глоток. Шампанское вдруг стало горьким, почти что ядовитым.

Глеб о чем-то говорил со Славой, тем самым мужем Марины, и вдруг рассмеялся. Громко, открыто. Так, как не смеялся дома уже много лет. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается холодная, тяжелая пустота.

Агата у бара поправила волосы и сделала маленький глоток из своего бокала. На её губах играла едва заметная улыбка. Тайная. Словно бы принадлежащая лишь ей и ему. Моему мужу.

Я положила ладонь на сумочку, где лежала бархатная коробочка. Запонки. Тридцать лет. И эта брюнетка, которая смотрит на моего супруга так, будто он уже принадлежит ей.

- Жанна, вы почему побледнели? - спросила Марина, склоняя голову набок. - Воздуха мало? Тут всегда душно. Или, может, шампанское не то?

Я посмотрела на неё. Она улыбалась, но глаза оставались холодными, изучающими.

- Всё хорошо, - ответила я, расправляя плечи. - Просто вспомнила, что у меня сегодня важный день.

- Ой, и какой же? - Марина подперла подбородок рукой, готовясь слушать.

Я посмотрела на Глеба. На Агату. На свою сумочку с подарком, который уже не вручу.

- Юбилей, - сказала я тихо. - Тридцать лет.

- Поздравляю, - Марина как-то странно хмыкнула. - Ваш муж вас уже поздравил? Или забыл? Мужчины часто теряют память, когда дело касается юбилеев.

Я промолчала и Марина поняла всё без слов. В её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или на злорадство.

Я не разобрала.

- Вы держитесь, Жанна, - сказала она, вставая. - Мы, жены, должны держаться. Особенно когда вокруг такие... талантливые помощницы.

Она ушла к своему лысоватому Славе, оставив меня одну. А я всё смотрела на брюнетку. Она сделала шаг вперед, приближаясь к компании Глеба. Лабетский обернулся, увидел её и... улыбнулся. Тепло, по-особенному.

У меня перехватило дыхание.

Я отвернулась к окну, за которым текла ночная жизнь большого города. В стекле отражался зал, огни, люди. И моё собственное лицо - в синем платье, с застывшей улыбкой и пустыми глазами.

Я всё ещё сжимала в руках сумочку с запонками.

Но теперь я не знала, кому они нужны. И нужны ли вообще.

Вечер тянулся бесконечно, как нечто, что растягивают и никак не могут разорвать. Я пила шампанское, вкуса которого не чувствовала, улыбалась людям, которых не запоминала, и кивала в ответ на вопросы, которых не слышала. Глеб то появлялся в поле зрения, то исчезал, и каждый раз, когда я его теряла, я невольно искала глазами белую фигуру у бара. Агата. Она никуда не уходила. Просто стояла, пила что-то прозрачное с лаймом и смотрела. Всегда в его сторону.

Марина присутствовала рядом неотступно, как репей. Она комментировала каждого входящего, каждое платье, каждое украшение. Я почти не слушала, но кивала - автоматизм, выработанный годами светских мероприятий.

- Смотрите, Жанна, - вдруг оживилась она, хватая меня за руку. - А давайте-ка я разведаю обстановку.

Я не сразу поняла, что она задумала. А Марина уже поднялась, поправила леопардовое платье и направилась напрямик к компании мужчин. К Глебу.

Увидела, как она что-то говорит ему, как он удивленно поднимает брови, а потом пожимает плечами - мол, отчего бы и нет. И они вышли в центр зала, где уже танцевали несколько пар. Марина положила руку ему на плечо, и они стали покачиваться в медленном танце.

Я смотрела на них со стороны и чувствовала, как внутри нарастает странное, липкое напряжение. Марина что-то говорила, улыбалась, наклонялась ближе к его уху. Глеб слушал, и я видела, как меняется его лицо. Сначала он улыбался - дежурно, светски. Потом улыбка стала жестче. А потом резко что-то ответил, и даже на расстоянии я почувствовала, как напряглась его спина.

Марина не смутилась. Наоборот, рассмеялась, откинув голову, и что-то сказала еще. Глеб сжал челюсть - я узнала этот жест. Так он делал всегда, когда злился, но не мог показать истинных эмоций.

На деловых встречах. На переговорах. Ну или когда я задавала неудобные вопросы дома. Марина задела его за живое. Я поняла это сразу.

Музыка кончилась. Глеб с каменным лицом отпустил Марину, процедил что-то сквозь зубы и направился к бару. К Агате. Я видела, как он подошел к ней, как наклонился, что-то быстро сказал. Она кивнула, тронула его за рукав - собственническим, успокаивающим жестом. У меня внутри все перевернулось.

- Ну и характер у вашего мужа, - раздался голос над ухом.

Марина плюхнулась рядом со мной, тяжело дыша после танца.

- Спросила про помощницу, так он чуть не прожег меня взглядом. Говорит: «Марина, не суйте нос в чужие дела. Агата - ценный сотрудник, и я не позволю обсуждать её за спиной». Представляете? Я ж ничего такого не сказала. Просто поинтересовалась, часто ли она задерживается с ним в офисе.

- Зачем вы это сделали? - спросила я тихо, глядя на бокал.

- Жанна, милая, - Марина склонилась ко мне. От нее пахло сладкими духами и шампанским. - Кто-то же должен. Вы сидите тут, как мышка, а она там, у бара, уже мужа вашего за рукав хватает. Я просто хотела, чтобы он знал: мы видим. Все видим.

- Я не просила.

- А кто просит? - Марина усмехнулась. - Обычно никто не просит. Потом молят о помощи, когда поздно. Я вам не враг, Жанна, а просто опытная жена. Таких, как она, - Марина кивнула в сторону Агаты, - мы за версту чуем.

Я ничего не ответила, лишь смотрела на Глеба и Агату. Они стояли у бара, близко друг к другу, и говорили о чем-то, наклоняясь голова к голове. Со стороны - деловой разговор. Но я знала эти жесты и этот наклон головы.

- Можно вас пригласить?

Я вздрогнула. Передо мной стоял мужчина - высокий, чуть старше Глеба, с сединой на висках и умными, живыми глазами. Я вспомнила его - один из партнеров, кажется, его представляли как Артема.

- Жанна, да? - улыбнулся он. - Я Артем. Мы не знакомы официально, но я уже час наблюдаю, как вы мужественно спасаетесь от Марины. Давайте я вас спасу по-настоящему. Потанцуем?

Я растерянно посмотрела на него. Потом на Глеба - он даже не повернулся в мою сторону. И вдруг мне стало все равно.

- Давайте, - сказала я и встала.

Артем вел уверенно, но мягко. Не прижимал к себе, не нарушал границ, просто кружил в танце, и это было странно приятно. Я почти забыла, каково это, когда мужчина держит тебя бережно.

- Вы сегодня именинница? - спросил он вдруг.

- Что? - не поняла я.

- У вас лицо человека, у которого сегодня важный день, а он почему-то не рад, - Артем улыбнулся. - Извините, я психолог по образованию. Вредная привычка - читать людей.

- Я не именинница, - ответила ему. - У меня сегодня годовщина с мужем. Тридцать лет.

Артем удивился, но не театрально, как Марина, а искренне, с уважением.

- Тридцать лет - это подвиг. Поздравляю. А муж ваш, простите за нескромность, в курсе?

Я промолчала и Артем всё понял.

- Бывает, - сказал он просто. - Мужики дуреют с возрастом. Особенно когда появляются такие... - он запнулся, подбирая слово, - такие яркие сотрудницы.

Я подняла на него глаза.

- Вы про Агату?

- Я ничего не говорил, - Артем поднял руки, но глаза его смеялись. - Я просто танцую с красивой женщиной в синем платье и думаю о том, как глупо устроен мир. Иногда мужчины ищут то, что уже давно нашли, но почему-то перестали замечать.

Он говорил легко, без назидания, и я вдруг почувствовала, как спадает напряжение. На одну минуту. На один танец.

- Спасибо, - сказала я, когда музыка кончилась.

- За что? - удивился он.

- За то, что не жалели и не лезли в душу.

Артем кивнул, поцеловал мою руку - старомодно, но трогательно - и проводил до моего места.

- И я благодарю вас, Жанна. И помните: тридцать лет - это не только срок. Это еще и повод напомнить о себе.

Я осталась одна. Глеб так и не подошел. Агата исчезла - то ли ушла, то ли растворилась в толпе. Вечер дошёл до логического финала. Прощания, улыбки, обещания созвониться, обмен визитками. Глеб нашел меня сам, когда уже все заканчивалось.

- Едем, - бросил он сухо.

В машине мы молчали. Я смотрела в окно на ночной город и пыталась не думать. О том, как он сжал челюсть при разговоре с Мариной. О том, как Агата тронула его за рукав. О том, как Артем сказал про ярких сотрудниц. Я запрещала себе думать. Просто смотрела на фонари, которые проплывали мимо, и считала их про себя.

Глеб молчал. Но я чувствовала его напряжение физически - оно заполняло салон, как угарный газ.

Когда мы вошли в дом, я поняла: сейчас.

Он сбросил пиджак прямо в холле на пол - неслыханная для него неряшливость. Прошел в гостиную, налил себе виски. Много. Залпом выпил. И только потом повернулся ко мне.

- Ты что позволяешь этой курице, Марине, лезть в мои дела? - голос был тихим, но от этой тишины по коже побежали мурашки. - Ты ей рассказала про Агату? О чём вы вообще говорили?

Я смотрела на него и вдруг поняла, что устала. Так сильно, что нет сил даже оправдываться.

- Я ей ничего не рассказывала. Она сама спросила. Все спрашивают. Все видят.

- Что все видят? - Глеб шагнул ко мне, и я впервые за долгие годы почувствовала страх.

Не физический - нет. Страх перед тем, что он сейчас скажет правду. Страх перед тем, что я узнаю то, о чем догадывалась.

- То, что твоя помощница смотрит на тебя не как на начальника, - сказала тихо.

- Ах вот оно что! - Глеб усмехнулся, но усмешка была злой. - И ты туда же. Ревность, да? В почти пятьдесят лет ревность? Жанна, опомнись. Агата - профессионал высокого класса. Если бы не она, этой сделки бы не было. А ты сидишь там с этой Мариной, которая травит тебя слухами, и портишь мне вечер.

- Я порчу вечер?

Вроде не повышала голоса, но он прозвучал как-то странно, будто мне не принадлежал.

- Глеб, сегодня наша годовщина. Тридцать лет. А ты забыл. Даже не вспомнил утром. Просто сказал мне, что я должна ехать, потому что женатых людей воспринимают серьезнее. Ты не спросил, хочу ли я отправляться на это сборище. Ты не заметил моего платья, которое заставил сменить, а потом весь вечер простоял с ней, с этой Агатой, и даже ни разу не подошел ко мне!

Глеб замер. Я видела, как дернулся кадык на его шее. Лабецкий молчал очень долго.

- Ты поэтому купила запонки? - спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

- Откуда знаешь? - спросила, испытывая самый настоящий коктейль разнообразных эмоций.

- Я видел чек в твоей сумке неделю назад. Думал, может, для Кирилла. Или для отца. Не лез.

Я закрыла глаза и горько усмехнулась.

- Нет, - сказала мужу. - Это тебе. На тридцать лет.

Глеб так и продолжал испепелять меня взглядом, потом отвернулся к окну, допил виски.

- Я не забыл, - сказал он не мне, а равнодушному стеклу. - Я просто думал, мы отметим в выходные. У меня сделка, Жанна. Миллионы. Ты понимаешь?

- Понимаю, - вздохнув, ответила я. - Я всегда понимаю.

Он обернулся. В его глазах было что-то - то ли злость, то ли усталость, то ли сожаление. А может - всё вместе.

- Тогда что тебе еще надо?

Я посмотрела на этого чужого человека, с которым прожила тридцать лет. И вдруг слова сами нашли выход - те, что копились годами, оседали пылью где-то глубоко внутри.

- Уважения, Глеб. Хотя бы отчасти! Чтобы ты не относился ко мне как к вещи, которую можно достать из шкафа, когда нужно создать образ уважаемого семьянина, а потом убрать обратно. Я не потерплю этого унижения! Не потерплю.

Он усмехнулся. Коротко, одними уголками губ.

- Понял, - сказал Лабецкий и отвернулся к окну.

Всего одно слово. Но в нем было столько ледяного спокойствия, что мне стало не по себе. Это была не та усмешка, при помощи которой показывают, что сдаются. Это была усмешка человека, который только что принял решение и теперь не считает нужным спорить.

Я хотела сказать еще что-то. Объяснить. Достучаться. Но почувствовала: бесполезно. Он уже закрылся. Ушел в свою крепость, оставив меня снаружи.

Я просто развернулась и пошла наверх. В спальню. Легла, не раздеваясь, и смотрела в потолок до тех пор, пока сон не забрал меня в свою серую, безболезненную пустоту.

Два дня мы существовали параллельно. Он уезжал рано, возвращался после ужина. Я не спрашивала, где Глеб был, а он и не рассказывал. Мы стали вежливыми соседями по большому дому, где эхо шагов звучало громче любых слов. Я думала о том, что, может быть, все наладится. Может, сделка закончится, и он вернется. Настоящий. Прежний. Тот, который тридцать лет назад смотрел на меня так, будто я - все, что ему нужно в этой жизни.

Я ошибалась.

Он приехал ближе к полуночи. Я слышала, как хлопнула дверь машины, как зашуршали шины по гравию, когда водитель уехал. Потом шаги в холле. Следом - на лестнице.

Лабецкий вошел в спальню без стука. В костюме, но без галстука, с расстегнутым воротником. Уставший, смотрящий на меня так, что по глазам было видно - в них навсегда поселился арктический холод.

- Жанна, - сказал муж, глядя на меня сверху вниз.

Я сидела у трюмо в халате, расчесывала волосы. Рука замерла.

- Я ухожу. Мы расстаемся.

Я медленно положила расческу и повернулась к нему.

- Что?

- Я бросаю тебя, - сказал он ровно, будто обсуждал условия новой сделки. - Но пока без развода. Так нужно для дела.

У меня пересохло во рту.

- Для дела? - переспросила, и голос дрогнул.

- Да. Имидж, Жанна. Если сейчас поползут слухи о разводе, партнеры занервничают. Нужно, чтобы все выглядело стабильно. Какое-то время ты еще побудешь моей женой. Формально.

Он говорил, а я смотрела на него и не узнавала.

Тридцать лет.

Тридцать лет я была с этим человеком. Рожала ему детей. Ждала из командировок. Лечила его простуду. Прощала грубость. Закрывала глаза на его холодность. А он стоял сейчас передо мной и объяснял, что бросает меня, но развод откладывается... ради сделки.

- Ты не шутишь? - спросила тихо.

- Я никогда не шучу про дела.

Я встала. Ноги слушались плохо, но мне удалось подняться. Подошла к мужу близко-близко, заглянула в глаза. В них не было ни боли, ни сожаления. Только всё та же усталость, будто он, говоря со мной, возложил себе на плечи неподъемную ношу. А ещё - эта проклятая деловая собранность.

- А как же тридцать лет? - спросила хрипло.

Глеб отвел взгляд.

- Жанна, не усложняй. Я сниму тебе квартиру. Или даже куплю. Будешь жить, ни в чем не нуждаясь. Дети уже взрослые, им все равно. Давай без истерик.

Без истерик. Он боялся скандалов... А я вдруг поняла, что не могу даже заплакать. Слез не было. Была только огромная, звенящая пустота внутри.

- И давно ты решил? - спросила у него.

Лабецкий помолчал.

- Какое это имеет значение?

- Если спрашиваю - значит, значение огромно.

- Достаточно давно, - сказал Глеб жестко. - С тех пор как понял, что между нами ничего нет, кроме привычки.

Я вспомнила тот вечер в ресторане, Агату у бара. Его улыбку, обращенную к ней. Злость мужа, когда Марина спросила про помощницу.

- Это из-за нее? - спросила прямо. - Из-за Агаты?

Глеб усмехнулся - той же усмешкой, что и два дня назад.

- Агата здесь ни при чем. Она - просто человек, который понимает мои цели и разделяет их. В отличие от тебя.

Лабетский развернулся и пошел к двери.

- Вещи собери. Завтра приедет водитель, отвезет тебя в арендованное жильё. Наберу позже.

И вышел.

Я же осталась стоять посреди спальни, не понимая, разыграл это, или же мне стоит поверить каждому слову, каждой эмоции...

Снизу хлопнула дверь. Потом завелась машина. Он уехал.

В ту же ночь. Даже не остался до утра.

Я подошла к окну. Фонари у ворот освещали пустую дорогу. Гравий еще хранил следы шин.

Я вдруг подумала о том, что даже не спросила, любил ли он меня когда-нибудь вообще, или я просто была удобным приложением к его жизни. Матерью его детей и элементом респектабельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.